

Орловский мир в «Отцах и детях»

Что и говорить, съемки фильма в Спасском по роману «Отцы и дети», лучшему произведению нашего великого земляка, переположили весь Орел и мценские предместья. Дело в том, что в фильме успели сниматься не только наши орловские артисты, но и музейные работники (музея-усадьбы писателя «Спасское-Лутовиново») и их дети, а также крестьяне близлежащих сел и, не поверите, даже их домашняя живность, как то: куры, гуси, индейки... (Поясняю: последних покупали у крестьян, снимали для антуража рядом с кинозвездами и... возвращали хозяевам.)

Конечно, орловцы в фильме выступили в ролях... ну, не первого плана — играли крестьян и дворян. Хотя если судить по тому интересу, что проявлял к «народу», в смысле к крестьянам, автор, то и в фильме, по замыслу режиссера-постановщика Дюны Смирновой, на долю этой категории персонажей должна выпасть довольно важная смысловая нагрузка. Так, персонаж Володи Верижникова, актера театра «Русский стиль», хоть и носил условное название «Мужик с подсолнухами», но его устами, можно сказать, говорило все крестьянское сословие русского общества семидесятых годов XIX века. И дело не в том, что у нашего Верижникова здорово выходит говорить на крестьянском сленге (типа «могём»); говорила вся его «мужичья» фактура. Как, впрочем, и у остальных орловских актеров, приглашенных на съемки. Собственно, по этому принципу и отбирали артистов: из «Русского стиля» это Александр Галуцкий («Мужик с большой ногой»), Анна Иванова («Баба с грывей»), Анатолий Ващенко («Тимофей»), Сергей Борисов («Лакей Петр»); из драматического театра — Валерия Коваленко («Кухарка»), из ТЮЗа — Олег Семичев («Просто мужик»). Из всех привлеченных на съемки местных самое высокое социальное положение (по роли) занимает десятилетиями Богдан — сын научного сотрудника музея Романа Ермакова: Богдан «играл роль» сынишки Фенечки (что ты

Орловские актеры с Сергеем Юрским и Александром Адабашьяном на фоне дома Базаровых.

Александр Адабашьян, который как художник снимал с Никитой Михалковым знаменитые фильмы-шедевры российского кинематографа: «Свой среди чужих, чужой среди своих», «Раба любви», «Неоконченная пьеса для механического пианино», «Обломов»... Александр Артемович — художник по образованию: он закончил Высшее художественное училище им. Строганова (Строгановку) в Москве, но продолжил звание «Заслуженный художник России». И вот эта знаменитость в наших пенатах. И все, что мы увидим в фильме, вся, так сказать, «картинка» будет продумана, выстроена именно им. Ведь художник-постановщик отвечает за всю визуальную часть фильма: проектирует декорации, делает эскизы, руководит их строительством.

Уважение, почет, знание. Но без всего того, что в других музеях (не буду их называть — во многих) бывает: когда возникает ощущение, что они если уж не на равной ноге с бывшим хо-

на быть безукоризненна. Во всех наших репортажах со съемок отмечалось обилие на площадке всевозможного реквизита. Подбор предметов разного рода и назначения — это работа

Анатолий Ващенко, Анна Иванова, Александр Галуцкий. Актеры театра «Русский стиль».

Олег Семичев и Анатолий Ващенко с Натальей Теняковой.

— дворянская кровля). А некоторые сотрудники Спасского уже считают себя, можно сказать, профессионалами в кино: так, здешиный конюх Анатолий Рыженков в роли конюха и кучера снимается уже не впервые и журналистам представляется (по праву) как артист Рыженков.

Впрочем, в фильме «Отцы и дети» играть мужичье сословие не было прерогативой только орловских: например, в Анфисушке, ключнице в доме Базаровых, у знала актрису Ольгу Демидову, которую наши читатели, видевшие нашумевший фильм Павла Лунгина «Острые козырьки», легко вспомнят (она там сыграла мамашу больного мальчика, привезенного на лечение в монастырь).

Конечно, звездный актерский состав в картине впечатляет: Сергей Юрский и Наталья Тенякова (родители Базарова), Андрей Смирнов (Павел Петрович Кирсанов), Анатолий Ва-

К слову, дом Базаровых — его детище — замечательно вписался в атмосферу Спасского. И директор музея-заповедника Н.И. Левин хочет оставить дом-декорацию в усадьбе — в качестве музея романа «Отцы и дети». И в самом деле, этот дом — целый мир: с распахнутыми в жару окнами, широкими резными ставнями, плугой, будто бы выдвинутой в фас, соломенной крышей...

Добавьте к этому целый арсенал деревянных сельскохозяйственных и бытовых орудий — всякие там ухваты, топоры, лопаты, корзины, хомуты, горшки, чугуны... Заполните этот как бы давно обжитой двор актерами в костюмах, с музейной точностью копирующих базаровскую эпоху: паневы, повойники, сарафаны, епанчи, кушаки, лапти... И полное ощущение, что «вроде как прошлое каким-то колом накрыто».

Здесь я уже цитирую самого Адабашьяна — правда, это выразительная фраза от охарактеризовал свои ощущения от пребывания в Спасском. По его мнению, лучший музей — тот, где старина — живая. Таким он находит и наше Спасское-Лутовиново.

Артист-конюх Анатолий Рыженков.

Здесь бережное отношение к бытовому, — говорит Александр Артемович, — и при этом незаметно ни присутствия, ни тем более насилия какого-то руководства, научной части...

ассистента по реквизиту Екатерины Ожоговой. За домиком Базаровых под живописным на-

Александр Адабашьян на прогулке по аллеям Спасского с директором музея-усадьбы Николаем Лениным.

весом можно увидеть целую кухню: с очагом, медной и чугунной посудой, с лавками, тязельным деревянным столом... у сенового сарая — телега, у каретного — как водится, карета, настоящая, «мосфильмовская», с откидывающимся кожаным верхом. А соседний лесок в нескольких шагах прячет источник под деревьями навесом, рядом с источником — купальня, затянута светлым ситцевым пологом... Туристы, которых и без того в Спасском хватает, а тут еще и привлеченные съемками, ошалевшие от впечатлений, с горящими глазами — впитывают в себя «эпоху», не забывая попутно запечатлеть на фото себя, любимых, на фоне исторического реквизита и любимых артистов, одетых в необычные живописные костюмы.

Кое-кто поспешил даже сняться с батюшкой — правда, батюшка наш оказался «взаправдашный», но отец Владимир (Герченков), мценский благочинный, не роптал: игровая атмосфера, которой заразили его киношники, по-доброму раскрепощала и сблизжала всех, кто, хоть случайно, приобрелся к ней.

Разговор о костюмах в фильме — особый. Их для «нашего» фильма придумывала самый

модный теперь в Москве художник-модельер Оксана Ярмольник, знаменитая не только тем, что одевает столичный театрально-киношный бомонд и что является женой Леониды Ярмольника (кстати, снимавшегося в «Отцах и детях» в роли доктора-немца, лечившего Базарова). На её счету (а художником по костюмам она работает уже более 20 лет) свыше 80 спектаклей в ведущих театрах страны. Все режиссеры, с которыми она работала (в том числе и Дюна Смирнова), отмечают безукоризненный вкус художницы и удивительное проникновение в ту эпоху, о которой снимается фильм или ставится спектакль. В данном случае нельзя сказать, что Оксана Павлова при работе над костюмами для фильма «Отцы и дети» максимально скопировала костюмы крестьян Орловской губернии. Как раз эта цель не преследовалась, хотя, думается, велик был соблазн передать то обилие характерных аксессуаров и деталей кроя, которыми славилась одежда орловских крестьянок-модниц позапрошлого века. Оксана Павлова сумела избежать соблазна фотографической точности, но при этом смогла уловить общую стилистическую особенность костюмов поселян; так что в фильме они не отвлекают внимание зрителя на излишне яркие детали, но все же остаются при этом и функциональными, и выразительными, т. е. не мешают актерам, а только помогают.

Конечно, наши орловские музеи и музейщики оказали кинематографистам неоценимую помощь в смысле подбора мебели той эпохи, старинных бытовых вещей. Как рассказала нам зам. директора музея И.С. Тургенева по науке Л.В. Дмитрихина, весь интерьер помещений, где снимали кино, был предоставлен из запасников наших орловских музеев: буфет, шкаф, бюро... Медицинский инструмент того времени, микроскоп... — все то, что просто невозможно воспроизвести в наше время, предоставлялось из музеев. Конечно, из запасников, ни в коем случае не из экспозиций — эти вещи, по словам Ларисы Викторовны, не просто раритет, они бесценны, и даже для съемок их трогать ни в коем случае нельзя.

Старинный губернский обояник для съемок сцен в доме Кукушина тоже наши музейщики предложили. Грустно, правда, было услышать от режиссера Дюны Смирновой такую вот, к примеру, брошенную вскользь фразу: «Кукушина — она ведь феминистка, у нее всюду беспорядок, дом запущен, задрипаный, рушится. Вот музей писателей-орловцев как раз подходит для этого случая». И на самом деле, здание в ожидании ремонта уже четыре года. Дом оседает, трещины увеличиваются. Но киношникам, как выяснилось, это только на руку. Ведь дом Галаховых (вице-губернатора) — это на самом деле уникальное в Орле здание, единственный подлинный дворянский особняк: здесь сохранились даже подлинный паркет, дверные ручки...

Старший научный сотрудник Татьяна Викторовна Полушина с умилением вспоминает, с какой собранностью и осторожностью, вниманием к музейным стенам работала группа. Конечно, съемки несколько напрягали привыкших к тишине музейщиков — все-таки 60 человек всевозможных киношных специальностей крутились во дворе, на веранде, в саду. Да еще задевали все — чтобы создать эффект «утренней дымки» в губернской просящейся горло. Но — ничего не повредило. После работы за считанные минуты свернулись со всем своим техническим скрабом, даже имитация инея на окнах (снимали зиму) успели смыть. Культура.

Что ж, съемочная группа фильма покидает наши края: орловская «натура» запечатлена на пленку, и уже завтра аллеи Спасского опустеют. Будем надеяться, что жаркое орловское лето наши талантливые гости будут вспоминать с добром. Во всяком случае, они обещали вернуться.

А уж орловцы их не забудут. Запомнилась такая сцена: во время съемок в музее писателей-орловцев по команде режиссера, переданной по радиосвязи, помощники останавливали весь поток уличного движения. А был как раз час пик. И вот вся до этого нетерпеливо мчавшаяся, рычащая, дымившая громада машин и троллейбусов замирает на дороге и терпеливо ждала разрешения ехать дальше. Орловцы с почтением переглядывались: у нас снимается кино...

Татьяна ПАВЛОВА. Фото автора.

Фото Сергея МИРОНОВА.

В ЦЕНТРЕ ОРЛА Улица Ленина: Арбат или Гарлем?

Ну, вот и дожили: в самом сердце срединного российского областного центра появилась ультрарекремистская надпись. Причём нацелена она не на каких-то абстрактных «несчастных и гонимых», а на нас с вами, дорогие мои русичи.

Надпись нагло красуется на фоне вселенских заклинаний о борьбе с экстремизмом, расизмом, национализмом. Повсеместно крутятся непримиримые правые структуры, всяческие «органы» сурово грозят пальцем, принимают чело-векоохраняющие аяйские законы.

Но дураку закон не писан; а если писан, то не читан; если читан, то не понят; если понят, то не так. А если так — то писать сам будет дурак.

Это не мной сказано, это давнишнее и точное. Давайте лучше поразмышляем, глупость эта надпись или продуманная провокация.

Фото у нас есть, но мы, чтоб не сыграть на руку придуркам, его не публикуем и гнусную надпись не цитируем. Те, кому следует, пусть вынут свои бриллиантовые зады из мягких футляров-кресел и зайдут в тил кинотеатра «Победа».

По моему разумению, нужно бы туда не идти, а бежать сломя голову. Ведь тут — страшной звонка о заложенной бомбе.

Удивительное дело: на подобные звонки, пусть даже сделанные из обыкновенного детского шалопайства, реагировать научились по-максимуму. И правильно: опасность взрыва, даже в одной тысячной доле его вероятности, естественным образом должна ставить на уши все спецслужбы — и ставит.

Людей эвакуируют из квартир или с вокзала, или с рынка; место оцепляют, тщательно проверяют, и так далее, и тому подобное. И главное, ищут — и находят — телефонного хулигана. И сурово наказывают.

Тут же оскорбление-угроза, с гораздо большей вероятностью способное взбудоражить и довести до неистовства не стану даже говорить сколько людей, торчит из виду больше месяца — по крайней мере, столько времени лично я его вижу.

Писарь сам дурак? Хорошо, пусть буду таковым, хоть никаких законов никогда не сочинял; да и поучать кого-либо — до сей дури ещё не дошёл.

Однако уверен: без должной жёсткой упреждающей реакции надписи-угрозы имеют свойство, как метастазы, разрастаться в количестве и переходить в действительность. В прямое или обратное.

В данном случае прицел, скорее всего, на ответное действие. То есть провокация — рассчитанная или подсознательная — налицо.

А то, что эта гадость появилась именно на улице Ленина, куда в первую очередь ведут всех гостей города, логично. Наша улица-красавица, называемая орловским Арбатом, всеми своими подходами становится похожей на грязный нью-йоркский Гарлем.

Не бывал я, конечно, в том негритянском притоне, где и американскому белому че-

ловеку лучше не появляться. И насчёт размаляванных стен не уверен, есть ли они там.

Тут просто ассоциация: наши настоящие малявены создают эффект дичайшего безобразия. И ещё угрюмости, заброшенности, агрессии.

Подчеркну: агрессии. Забава, по-заморски именуемая граффити, — это свобода уродовать стены шизофреническими росписями. Так за морем сей «свобод» отведены строго определённые и строго ограниченные места.

Мазнёшь краской в десятки метров от той границы — получишь пять лет тюрьмы. Без всяких послаблений и «смягчающих обстоятельств». Сам недавно по радио слышал.

Нам до такой высот далеко? Или мы, наоборот, уже выше «их»?

Заметьте, знаменитое наше слово из трёх букв перестало появляться на заборах. Оно уже не интересно, оно теперь не запрещено, им повсюду сладостно щеголяют даже девицы.

Массовый публичный мат — прямой признак вырождения, потому что снимает одно из главных нравственных табу, неизбежно существующих в любом здоровом обществе.

Скажите, другая тема. Нет, та же. Малевания на Ленинградской, по своей невиданной ни в одном другом месте Орла концентрации, сродни тотальной цензурщины, плевам на всё чистое, пещерному мировосприятию.

Присущий каждому зверёному инстинкт не гадить в собственном гнезде у нас, у человекоек, вытраивается. Табу снято. С молчаливого согласия взрослых особей.

— Так ведь только закрасишь, они снова малюют, да ещё с большей радостью... — жаловался директор одной элитной школы.

А потому и радуются, что нет им, «элитным», укороту. Укорот при желании сделать очень просто. Подвесьте на подходе к улице несколько видеокамер, тех, какими окружены наши властные дома и глянецовые магазинчики, устройте милицейский месячник под кодовым названием «Чистыми руками» и отловили тех нескольких юнцов с баллончиками. И спросите с них по закону.

Не подпадают под закон? После экстремистского дерьма на «Победе» — подпадают.

Ах, собственные детшищивунчата, тусующие на этом изгвазданном золотом пылачке, могут попасться? Ну, тогда и вправду эта моя статья ненужная и дурацкая. Будем продолжать жить на по-мояке.

Жаль только, что скоро от всех нас будет пахнуть как от того бомжа, что с ежедневным упорством валется прямо перед входом в «Победа».

Валется талантливо, голловой к задней надписи — в общем, как указатель. Юрий ОНОПРИНКО.

Карета — настоящая, того времени.